

Карл Бруннер

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ И КОНЦЕПЦИЯ
СОЦИУМА: ДВА ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ
ОБЩЕСТВА***

*Karl Brunner. The Perception of Man and the Conception of Society:
Two Approaches to Understanding Society //
Economic Inquiry, July 1987, v.25, p. 367-388.*

© The Western Economic Association, 1987

Перевод к.э.н. Н.В.Павлова

Социальные науки предлагают два различных подхода к пониманию общества. Один возник в работах шотландской школы философов-моралистов и получил дальнейшее развитие в рамках экономической науки. Другой был разработан французскими просветителями и оказал значительное влияние на исследования в области социологии. В основе этих двух подходов лежат два совершенно различных представления о человеке и отношении человека к обществу. В настоящей статье исследуются эти альтернативные гипотезы и рассматриваются их некоторые важные следствия. На основании этого делается вывод, что гипотезы, восходящие к шотландским философам, создают основу для разработки единого подхода в общественных науках.

I. ПОДХОДЫ К «ОБЩЕСТВУ»

«Социальная и институциональная включенность» человека привлекала внимание социальных философов еще со времен Аристотеля. Проблема интеграции человека в общество стимулировала Адама Смита к проведению революционного анализа «спонтанного порядка». Эта проблема социальной и институциональной включенности в особенности интересовала социологов: социальные ценности и определяемая ими включенность человека в общество стали центральными темами важной социальной дисциплины. Такие ценности возникают в форме мнений, отношений, ориентаций, норм или правил поведения. Хотя эти шаблоны, очевидно, формируют поведение индивида, ценности, как социальные феномены, представлялись социологам находящимися вне пределов инициативы и решений индивидов. Со времен Дюркгейма (см. Durkheim, 1961) это представление превалировало в большинстве работ по социологии. Представление о внешней заданности ценностей обуславливало такой анализ социальных условий и сил, образующих социальный процесс, который был в значительной степени независим от поведения и взаимодействия индивидов.

Данная концепция в корне противоположна парадигме, разработанной в экономической науке, родоначальником которой был Адам Смит и в соответствии с которой средоточием ценностей является индивид. Социальные ценности – это общепризнанные и сообща поддерживаемые индивидуальные ценности. Социальные процессы и социальные ценности определяются природой взаимодействия между отдельными членами социальной группы.

* В основе данной статьи лежит лекция, прочитанная 3 июля 1986 г. на ежегодном заседании Западной экономической ассоциации в Сан-Франциско. Автор выражает признательность Томасу Лису, Уильяму Меклингу и Алану Мелтцеру за плодотворное обсуждение этой работы.

Однако со времен Адама Смита интерес экономистов к социальным проблемам сильно уменьшился. Их внимание сконцентрировалось на узкой области социальных явлений, связанных с рыночными сделками. Хотя при этом и был достигнут значительный прогресс в технике анализа, выбранная процедура исследования исключала из рассмотрения широкую сферу социальной и институциональной реальности, формирующей социальные процессы и природу рыночных сделок. При этом всякий раз, когда экономисты отваживались расширить сферу своих исследований, они легко усваивали манеру рассуждений социологов. Казалось, что они сами не сознают непоследовательности своего мышления или она их не заботит. Играя в общепринятую интеллектуальную игру, некоторые экономисты предпочитают игнорировать реальность, очевидно, потому, что она не дает достаточных возможностей для применения строгого подхода или же потому, что ее анализ оказывается подвержен влиянию идеологии. Однако история науки свидетельствует о наличии фундаментальных изъянов в такой аргументации. Серьезные проблемы, накопившиеся вне сферы интересов экономической науки в течение последних ста лет, заслуживают и даже требуют внимания экономистов, если они хотят достичь адекватного понимания человеческого общества. Даже не вполне строгий подход позволяет получить полезные знания или по крайней мере сделать важные шаги для получения знаний в будущем. Широкие социальные проблемы вовсе не обязательно являются по своей сути идеологическими, но даже когда это так, влияние идеологии не исключает возможности компетентного социального анализа.

В течение последней четверти века экономическая теория получила новый импульс развития. Гэри Беккер и другие экономисты, к которым присоединился ряд социологов, распространили экономический анализ на широкий круг традиционно социологических проблем (см. Беккер, 1993). Политологи, вдохновленные возрождением политической экономии* под влиянием Дж.Бьюкенена (см. Buchanan, 1975), приспособили общие схемы, разработанные в экономической теории, к сфере своих интересов. А.Алчян (Alchian, 1950) разработал методологию анализа прав собственности, и позднее это направление исследований сдвинулось с другими направлениями, акцентирующими внимание на роли трансакционных и информационных издержек. Так возникла «новая институциональная экономическая теория», которая изучает причины и последствия возникновения институциональных образований, связанных либо с рыночными трансакциями, либо с нерыночными видами деятельности (см. Норт, 1993).

Это направление мысли дает новое видение и новое понимание социальных институтов. Оказывается, что основная гипотеза о поведении человека (модель человека), разработанная в экономической теории для объяснения поведения людей в контексте рыночной деятельности, может быть с успехом распространена на явления, выходящие за привычные рамки. Таким образом, вопреки утверждению Толкота Парсонса (Parsons, 1951; см. также Парсонс, 1993), социологическая модель оказывается особым случаем экономической модели. Возникает возможность выработки единого подхода к социальным наукам. Отметим, что при этом может быть продуктивно использована большая часть описательной работы, выполненной антропологами и социологами. Среди проблем, решение которых может быть особенно облегчено благодаря несоциологическому подходу к социологическим проблемам, можно выделить вопрос о возникновении и роли социальных ценностей. Этот анализ позволяет раскрыть природу заблуждения, оправдывающего моральный релятивизм и основанного на наблюдаемом широком разнообразии систем морали. При таком рассмотрении мы достигаем также лучшего понимания механизма социальной связи или координации между социальными ценностями и социальным порядком.

* Политической экономией называется здесь, как и повсеместно в англоязычной экономической литературе наших дней, теория *государственной экономической политики*. – Прим. ред.

Последняя тема имеет отношение к одной старой проблеме и затрагивает множество разнообразных представлений. Некоторые исследователи подчеркивают влияние социального порядка на социальные ценности. Другие делают акцент на противоположном влиянии. Третьи диалектически сочетают первое и второе. И, конечно, все эти типы представлений имеют более или менее тонкие разновидности, что можно проиллюстрировать на примере различных описаний гибели капитализма у Шумпетера (Schumpeter, 1942) и Хоркхаймера (Horkheimer, 1947). Наконец, связь между социальными (и человеческими) ценностями и социальным порядком недавно стала предметом внимания широкой публики благодаря усилиям «профессиональных моралистов», представляющих бюрократию официальной церкви.

II. ДВЕ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА

Большинство дискуссий о ценностях и социальном порядке как бы связаны общей нитью. Это проявляется как в попытках объяснения, так и пересмотра нормативных представлений, исходящих из того, что эгоистическое поведение является важнейшей характеристикой любого социального строя, основанного на рыночных отношениях и частной собственности. Во многих работах, направленных против нормативного подхода, утверждается, что распространение эгоизма в западных обществах представляет собой недавнее явление. В XVII и XIX вв. комментаторы консервативного толка сетовали по поводу того, что происходит эрозия традиционных ценностей («ранга и знатности») под влиянием распространяющейся рыночной ориентации. Эта точка зрения все еще находит отклик, хотя и в несколько модифицированной и смягченной форме, среди современных неоконсерваторов – например у Ирвинга Кристола* в его «умеренных» здравницах рыночно-ориентированному обществу (Cristol, 1978). Неоконсервативный склад мышления в таких случаях тесно связан с нормативной позицией, которая отводит государству роль охранителя морали: оно должно стоять на страже установленных рамок, за которые не должны выходить предпочтения публики.

В значительной мере параллельным курсом движутся теологи, однако зачастую они занимают более жесткую позицию. В их глазах эгоистический индивидуализм, усиливаемый властью коммерческих ценностей, препятствует построению гуманного общества. Они, однако, утверждают, что к спасению на этом свете можно прийти благодаря влиянию политических структур. Через такое влияние, осуществляемое под руководством совета теологов, можно навязать аморальному человеку, движимому своими эгоистическими побуждениями, требования морального общества.

Социалистическая традиция разделяет некоторые общие черты с неоконсерваторами и еще в большей степени – с современными теологами. Согласно социалистическим воззрениям, эгоистическое поведение обуславливается характерными чертами социального строя. Эта позиция гораздо больше разработана в социалистической литературе, чем в теологической; в ней делается упор на то, что радикальное изменение социального строя приведет к появлению «нового человека» с новым набором мотиваций.

Это краткое описание «интеллектуальной сцены» немедленно обнаруживает основополагающую роль гипотезы о человеческой природе. Именно взгляд на природу человека в значительной мере формирует представления о ценностях и социальном порядке. Мы, естественно, ожидаем, что социальные науки будут служить нам руководством в этом вопросе, и, в самом деле, находим в них альтернативные модели человека (см. Brunner and Meckling, 1977), выражающие весьма отличные друг от друга точки зрения. Эти позиции не обязательно про-

* Один из наиболее известных представителей так называемой «экономической теории предложения» (supply-side economics). – *Прим. ред.*

тиворечат друг другу. Согласно теории, по которой социальные науки представляют собой набор отдельных ящиков, эти модели обычно ассоциируются с различными сферами нашей жизни. Каждому ящику соответствует некоторая модель человека. «Экономический человек» владеет ящиком с ярлыком «Экономика», «социологический человек» – ящиком под названием «Социология», «политический человек» и «антропологический человек» представляют особые случаи «социологического человека». В учебниках и статьях, принимающих схему Маслоу*, встречается еще «психологический человек». Однако эта традиция здесь игнорируется, так как ведущие ученые-психологи (особенно те, которые занимаются теорией обучения) теперь идут на сближение с экономистами.

Экономический человек обычно понимается как концентрированное выражение наиболее характерных черт человеческого поведения в «процессе повседневной рыночной деятельности». Согласно широко распространенному взгляду, это образ человека, который полностью руководствуется экономическими мотивами. Он совершенно эгоистичен в том смысле, что его мотивы связаны исключительно с его личным благополучием. Таким образом, многие студенты и профессионалы видят изображение высушенного, сморщенного гомункулуса – довольно сомнительное отражение реальности. Подобная картина, быть может, помогла прояснить некоторые основные проблемы распределения ресурсов, с которыми приходится иметь дело человеку, и осмыслить аллокационное** поведение, основанное на процессах выбора, которые, в свою очередь, отражают потенциальное субъективное замещение одних благ другими. Однако эти важные моменты были в значительной мере сведены на нет чрезмерно узким подходом, порождаемым самим понятием экономического человека. В результате широко распространилась точка зрения, согласно которой экономический анализ онтологически ограничивается сферой действия экономических мотивов. Это методологическое правило обедняло экономический анализ и оправдывало применение понятия социологического человека при анализе преобладающей части социальной реальности. Ведь наблюдаемое поведение ясно свидетельствует о наличии неэкономических мотивов, а очевидное проявление озабоченности, интереса и внимания по отношению к другим людям ставит под сомнение явную или скрытую трактовку человека как «эгоиста».

Подобная интерпретация, господствующая в социальных науках, вызывает два существенных возражения, одно из которых носит методологический, а второе – содержательный характер. В методологическом плане некорректно принимать а priori онтологическое представление о реальной человеческой деятельности при использовании различных и фактически несовместимых поведенческих гипотез и устранять возникающие противоречия путем наложения ограничений на сферу применения этих гипотез. Случаи явно сегментированного поведения человека часто являются лишь отражением информационных проблем и проблем обучения, которые могут быть объединены в рамках единого подхода.

Если же говорить о существовании дела, то социологическая модель имеет серьезные изъяны. Отделение или сегментирование социальных явлений и процессов от индивидуального поведения и взаимодействия в конечном счете неспособно привести к объяснению социальных явлений. Ссылаться на общество как на создателя или производителя «социальных организмов» означает уход от существа вопроса. Общество не является действующим лицом, оно представ-

* Маслоу Абрахам – знаменитый американский психолог, автор теории иерархии потребностей. – *Прим. ред.*

** Аллокация (allocation – англ.) – размещение, распределение. Здесь – распределение ограниченных ресурсов между альтернативными способами их использования. – *Прим. ред.*

ляет собой результат индивидуальных действий и взаимодействий людей. Существование социальных организмов обнаруживается благодаря наличию специфических регулярно воспроизводимых шаблонов (patterns) человеческого поведения. Уверенность Парсонса в том, что не существует мостика, который мог бы связать индивидуальное поведение с социальными категориями (см. Парсонс, 1993), низвела социологию на уровень описаний или повествований без какого-либо аналитического объяснения и знаменовала собой уход в мистицизм.

Экономическая модель человека

Трудностей, с которыми сталкивается социологическая модель, можно избежать. Надеждающим образом сформулированная модель человека, отличная от модели карикатурного гомункулуса, открывает широкие перспективы для выработки единого подхода в социальных науках. Эта модель объединяет отдельные моменты, введенные в литературу еще во времена Адама Смита. Для обозначения этой модели можно использовать акроним REMM («resourceful, evaluative, maximizing man», т.е. «изобретательный, оценивающий, максимизирующий человек»), который был предложен Меклингом и Бруннером (Meckling, 1976; Brunner and Meckling, 1977). Многолетние дискуссии показали, что в рамках применения этой модели некоторые проблемы, касающиеся экономических мотивов (например, личного интереса и эгоизма), а также природы ограничений и «ограниченной рациональности»*, все еще нуждаются в более детальном обсуждении.

Центральными блоками для построения модели являются поле предпочтений с его специфической структурой и ограничения, которые задают набор возможностей. Ниже будет показано, что наличие этих «строительных блоков» коренным образом отличает REMM от социологической модели и имеет далеко идущие последствия для нашего понимания социальных явлений. Рассмотрение будет проведено в соответствии с порядком букв в акрониме REMM.

Изобретательность, оценивание и максимизация имеют общую основу. Здесь следует отметить недавние результаты, полученные в анализе эволюционного процесса, социобиологии и биоэкономике. Мы знаем, что индивид появляется на свет не как чистый лист бумаги, на котором впоследствии должен фиксироваться его социальный опыт; он обладает биологической и генетической наследственностью (Barrash, 1979). Следует подчеркнуть два аспекта этой наследственности. Один аспект присущ всем людям. Он включает широкий потенциал и общую предрасположенность к поведению определенного рода. Как предрасположенность, так и потенциал не зависят от социального окружения. Они влияют на шаблоны поведения, возникающие как реакция на социальное окружение, в том числе на доминирующие социальные институты. Записи на листе не могут быть переписаны посредством радикальной социальной инженерии. Кроме того, биолого-генетическая наследственность обнаруживает большое разнообразие специфических форм и интенсивности проявления общих черт. Мы наблюдаем и огромное разнообразие в индивидуальных способностях. Все эти различия налагают еще большие ограничения на возможности социальной инженерии.

Изобретательность и индивидуальные различия по этому признаку образуют важную часть биологической наследственности. Культурная и социальная эволюция человеческого рода на протяжении 100 000 лет дает нам массу примеров замечательной изобретательности. Человек ищет, исследует, решает задачи и экспериментирует, он не является пассивным существом. Проводимые им эксперименты сильно разнятся – от тривиальных до грандиозных. Однако кумулятивный эффект относительно тривиальных событий с течением време-

* Термин Герберта Саймона, подразумевающий, в частности, замену максимизации нахождение удовлетворительного решения; см. статью Г. Саймона в этом номере альманаха THESIS. – *Прим. ред.*

ни начинает сказываться на возможностях человека и условиях его выживания. В качестве примера можно привести отбор съедобных растений и животных и развитие орудий труда и инструментов в доисторическую эпоху. Другим примером является поведение современных банкиров, экспериментирующих с массой финансовых инноваций для того, чтобы приспособиться к новым условиям. Изобретательное экспериментирование является движущей силой культурной и социальной эволюции и, как указывал Поппер (Popper, 1957), взаимодействует с биологической эволюцией. Изобретательность, таким образом, создает почву для анализа эволюционного процесса, значение которого в последние годы неоднократно подчеркивалось Хайеком^{*}.

Изобретательность также влияет на оценку множества возможностей, с которым в любой момент сталкивается индивид. Но кроме того, изобретательное поведение с течением времени изменяет это множество. Субъекты затрачивают ресурсы на эксперименты и исследования, с тем чтобы расширить множество своих возможностей. Эксперименты и исследования могут, в частности, изменить внешние условия или информацию об этих условиях, определяющие соответствующее множество возможностей. Понятие изобретательности пока что не удалось адекватно формализовать. Бруннер и Мелтцер (Brunner and Meltzer, 1971) предприняли такую попытку применительно к одному специальному случаю, когда агенты, действующие в условиях неполной информации, совместно оптимизируют свой выбор множества возможностей и свое положение в пределах этого множества. Нельзя сказать, что множество возможностей непосредственно и полностью определяется преобладающими природными, социальными и технологическими условиями. На самом деле оно отражает восприятие этих условий индивидом. Неполная информация характеризует нашу реальность и контролирует это восприятие и, таким образом, оказывает влияние на соответствующее множество возможностей.

Изобретательный человек еще и оценивает. Здесь важны три темы: форма поля предпочтений, разделение между экономическими и неэкономическими мотивами и значение личного интереса и эгоизма. Некоторые аспекты оценивающего поведения может прояснить следующая цитата из работы Бруннера и Мелтцера: «Человеку свойственно оценивать. Его нельзя считать равнодушным. Ему безразличен окружающий его мир. Он дифференцирует, сортирует и упорядочивает состояния мира и в процессе этой деятельности редуцирует все объекты, с которыми сталкивается, до соразмерной ему величины. Он предпочитает большее количество благ, имеющих положительную оценку. Кроме того, оценка зависит от контекста. Любое фиксированное приращение положительно оцениваемого блага оценивается все ниже, по мере того как растет его общее количество, доступное для индивида. Человек стремится вступать в обмен по всем направлениям. Он всегда готов поступиться некоторым количеством любого имеющего ценность блага в обмен на некоторое количество альтернативного блага, которое он ценит выше. Его оценки тяготеют к тому, чтобы быть транзитивными, что является выражением непротиворечивости системы этих оценок» (Brunner and Meltzer, 1971, p.71–72). Данная цитата ясно указывает на важнейшие свойства структуры предпочтений индивида: относительная оценка положительно оцениваемого блага снижается с ростом его количества, а обмен или замещение благ могут осуществляться по всем направлениям.

Предположение о возможности замещения всех положительно оцениваемых благ, событий или состояний подразумевает, что традиционное разделение между экономическими и неэкономическими мотивами некорректно. Это разделение использовалось для того, чтобы оправдать применение «ящичной» модели социальных наук, в которой экономический анализ, по сути, ограничивается рассмотрением поведения, обусловленного экономическими мотивами. Дальнейшие

^{*} Речь идет прежде всего о его работе «Пагубная самонадеянность» (Хайек, 1992). – *Прим. ред.*

рассуждения показывают спорный характер такой интерпретации. Сфера аллокационного поведения выходит далеко за рамки максимизации материального благосостояния, она может включать удовольствие от чтения книг, посещения театров, концертов, футбольных матчей, потребления мороженого, пива, вина и т.д. Есть ли у нас достаточные основания считать, что решения относительно всего этого связаны только с экономическими мотивами? Тот же самый вопрос можно задать и применительно к наслаждению общественным положением, влиянием и дружбой. Никакое априорное отделение «экономического» от «неэкономического» не может создать полезной основы для анализа. Это особенно справедливо, когда возможность замещения распространяется на все положительно оцениваемые состояния, события или блага. Признание неограниченности сферы обмена или замещения является важнейшим условием плодотворного анализа общих социальных условий. Это более всего применимо к эволюции социальных институтов.

Следует отметить, что существуют проблемы, решение которых не требует полного использования нашего «интеллектуального багажа». Мы часто предполагаем некоторые переменные постоянными, полностью отдавая себе отчет в том, что такое предположение, строго говоря, неверно. Мы можем, верно или ошибочно, постулировать, что отклонения переменной от фиксированного значения невелики и порождают лишь второстепенные проблемы. Или мы можем ограничить наше внимание некоторым подмножеством полного набора мотивов (т.е. событий), фигурирующих в функциях полезности индивидов. Эта процедура вполне пригодна в тех случаях, когда возможность обмена между выделенным подмножеством и проигнорированным подмножеством относительно невелика. Такая аппроксимация не означает и не предполагает недооценку всеобщего характера обмена или замещения.

Остается открытым фундаментальный вопрос, кто в конечном счете осуществляет оценивание. Модель REMM недвусмысленно указывает на индивида. Это поднимает проблему эгоизма. Эгоистическое поведение может быть охарактеризовано как забота исключительно о своем собственном благосостоянии безотносительно к благосостоянию любого другого лица. (В свою очередь, альтруистическое поведение означает, что в функции полезности данного лица учитывается благосостояние других лиц.) Такое определение эгоиста совместимо с REMM, однако оно не учитывает таких важных социальных институтов, как институты семьи и дружбы. Однако постулат эгоизма можно спокойно использовать при решении многих проблем в качестве полезного приближения. Нашим основным предположением является предположение о личном интересе. Это означает, что, вообще говоря, индивиды по возможности отказываются постоянно и безоговорочно делегировать другим людям право принятия решений, касающихся их личных дел. Иными словами, индивиды предпочитают сохранять за собой власть в сфере решений, касающихся личных вопросов. Из этого следует, что оценки формируются в соответствии с собственными суждениями, пониманием и интерпретацией индивида. Именно он в конечном итоге является источником оценок.

Здесь мы сталкиваемся со второй проблемой, которая была поднята Марксом и другими социологами, а именно, что частные интересы являются социально детерминированными и определяются обществом в процессе социализации и интернализации. Наличие этих процессов едва ли можно оспаривать. Однако они отнюдь не являются подтверждением марксистских представлений о «социальной лысенковщине». REMM подчеркивает биолого-генетическую наследственность, которая (до известной степени) контролирует содержание «листа бумаги» и модифицирует то, что пишется на нем в процессе социализации и интернализации. Таким образом, процессы социализации и интернализации действуют при наличии фильтра, каковым являются биолого-генетические способности. Роль этих способностей становится очевидной, если взглянуть на значительные различия в отдельных аспектах жизнедеятельности

(качество и степень изобретательности, характер замещений) даже между индивидами, находящимися в схожих культурных и социальных условиях.

Обратимся, наконец, к максимизирующему человеку и приведем здесь цитату из работы Бруннера и Меклинга: «Максимизирующий человек признает, что все ресурсы, включая его собственное время, ограничены. Каковы бы ни были эти ресурсы, человек стремится обеспечить себе наилучшее положение при тех ограничениях, с которыми он сталкивается. Такая оптимизация осуществляется на основе несовершенной информации, и при этом человек познает, что само по себе принятие решений связано с издержками» (Brunner and Meckling, 1977, p.72). Модель формальной максимизации при наличии ограничений может служить полезной аппроксимацией при описании поведения человека во множестве ситуаций и применительно к широкому кругу проблем. Вопрос о ее применимости в целом здесь не существует. Существенно лишь то, что изобретательные исследования и действия в рамках ограничений не являются бесцельными блужданиями, за ними стоит стремление человека повысить уровень своего благосостояния. В сущности, модель подчеркивает, что индивиды являются рациональными существами. Рациональность, пожалуй, является более важным компонентом гипотезы, нежели максимизирующее поведение. Рациональное поведение направлено на достижение некоторой цели, выраженной функцией полезности. Это, в частности, означает, что индивид не захочет сознательно пожертвовать той или иной целью в рамках множества своих возможностей. Ограниченные вычислительные способности компьютеров и человеческого мозга, издержки сбора и анализа информации, а зачастую и широко распространенная неопределенность не позволяют выразить рациональное поведение непосредственно в терминах максимизации. Вместо этого рациональное поведение создает некоторый набор более или менее сознательных правил действия.

Социологическая модель человека

Главной чертой социологической модели человека является отказ от акцента на личном интересе индивида. В данном разделе будет представлена структура и основная идея этой модели. Модель социологов приписывает автономно и главенствующую роль обществу, т.е. социальным институтам, нормам и правилам поведения. Она предполагает, что индивид противостоит социальным организациям, которые оказывают влияние на его поведение, но сами находятся вне его влияния. Согласно голландскому социологу Линденбергу (Lindenberg, 1985), Дюркгейм, «отец современной социологии», разрабатывал эту тему двояким образом. Социальная детерминация поведения индивида принимает либо форму систем морали, либо форму социальных течений. Процессы социализации и интернализации призваны, при наличии санкций за отклонение от норм, обеспечить желаемое моральное поведение. Общество представляет собой ясно определенную онтологическую целостность, отделенную от индивидов. Дюркгейм писал: «Моральные цели – это цели, объектом которых является *общество*. Действовать морально – значит действовать в соответствии с коллективными интересами» (Durkheim, 1961, p.59). «Коллективный интерес, если он всего лишь сумма эгоистических интересов, сам по себе является аморальным. Если общество должно рассматриваться как нормальная цель морального поведения, тогда должна существовать возможность увидеть в нем нечто иное, нежели сумму индивидов; оно должно образовывать *sui generis*^{*} существо со своим собственным характером, который отличен от характера его членов...» (Durkheim, 1961, p.60).

В то время как мораль характеризует сравнительно стабильные и долговременные компоненты общества, в социальных течениях проявляются временные влияния, выражаемые преходящими мнениями и эмоциями. Парсонс открыто воспроизвел эту точку зрения: «Тот факт, что личности прежде всего ру-

* своего рода (лат.). – Прим. пер.

ководствуются фундаментальным принципом получения оптимального удовлетворения, в то время как социальные системы ориентированы на культурные изменения, является следствием, а также способом доказательства независимости двух классов систем» (Parsons, 1951, p.502). Социологи-марксисты могут возразить против последнего пункта в этом высказывании, поскольку он противоречит более или менее явным социологическим характеристикам социализированного человека. Для нас, однако, важнейшим пунктом является выраженный акцент на независимости социальной системы, разделяемый марксистской и немарксистской социологией, что подчеркивается в работе Бруннера и Меклинга (Brunner and Meckling, 1977).

Основные части социологической модели укладываются в акроним SRSM, который Линденберг (Lindenberг, 1985) противопоставил модели REMM. Акроним SRSM отражает три существенных элемента социологического человека, «чистый лист» которого произвольно заполняется обществом: социализированный человек; человек, исполняющий роль, и человек, который может быть подвергнут санкциям (socialized, role-playing, sanctioned man). Первый элемент выражает онтологическое главенство общества и вытекающую отсюда социальную детерминированность индивидуального поведения. Человек с самого рождения полностью запрограммирован своим социальным окружением. Можно использовать аналогию с пчелами и муравьями, однако нам следует признать, что запрограммированность муравьев и пчел в деталях их образа жизни обусловлена биолого-генетической основой. Социологическая модель неявно подразумевает, что эта основа не играет роли, и предполагает, что программирование полностью осуществляется обществом.

Исполнение ролей вытекает из самого процесса социализации. Общество структурировано в виде множества ролей, и индивиды приспособляются к конкретным ролям с социально детерминированными характеристиками и обязанностями. Система учрежденных ролей и ролевое поведение определяют стабильные ожидания. Члены общества могут в какой-то степени предвидеть поведение друг друга. Но поскольку человек с недостаточной степенью социализации может отклониться от своей роли, его поведение все же необходимо контролировать. Процесс социализации дополняется и подкрепляется санкциями.

Линденберг ввел вторую модель, обозначаемую акронимом OSAM – имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий человек (opinionated, sensitive, acting man), – которую он связывает с эмпирической социологией. Эта ветвь социологии обычно занимается социальными процессами, происходящими вокруг «мнений, позиций и ориентаций» (все эти явления социально детерминированы). Так, например, социологи склонны трактовать явления, наблюдаемые на рынке труда, в терминах трудовой этики или трудовой «ориентации».

Согласно этой модели, человек имеет мнения относительно разных сторон окружающего его мира. Человек также восприимчив (т.е. на его мнения может легко повлиять его окружение). Наконец, человек действует в соответствии со своим мнением. По-видимому, OSAM представляет собой попросту частный случай SRSM, акцентирующий внимание на некоторых конкретных процессах.

Линденберг замечает, что SRSM не является изобретательным и подчиняется лишь ограничениям, заданным санкциями и ролевыми ожиданиями. Фактор редкости оказывает лишь косвенное воздействие на SRSM, поскольку ролевые ожидания формируются посредством предпосылки «должен, значит можешь». SRSM ожидает от других только ролевого поведения и оценивает события лишь в терминах соответствия и отклонения от роли. Выбор (возможность замещения) исключается, и, таким образом, ничто не максимизируется.

У OSAM отсутствуют изобретательность и ограничения. Наличие у него собственного мнения и восприимчивости по отношению к социальным влияниям подразумевает существование ожиданий и оценок, однако важно отметить, что эти ожидания и оценки не связаны с процессом выбора и максимизации.

Скорее они создают «обусловленные конкретной ситуацией включения определенных моделей поведения».

III. ПРИРОДА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Описание фундаментальных моделей вряд ли в достаточной мере проясняет наши проблемы. Природа основного конфликта между двумя моделями остается малопонятной. Такая ситуация в сущности обусловлена характерным для социологии «неаналитическим взглядом». Описание часто интерпретируется как теория (т.е. как гипотеза); однако это вовсе не должно служить поводом для того, чтобы разувериться в полезности описаний, поскольку они являются необходимой основой адекватного анализа. В свою очередь с анализом проблемы иногда отождествляется рассказывание историй. Некоторые полагают, что REMM представляет собой пустое множество, а все, что есть в этой модели, с избытком содержится в социологических описаниях. Первое утверждение может быть немедленно отвергнуто как некорректное, поскольку компоненты R и E (изобретательность и оценивание) не предполагают каких-либо специфических моделей поведения. Второе утверждение лучше всего рассмотреть в контексте конкретных проблем. При таком подходе наиболее эффективно раскрывается фундаментальное противоречие между двумя моделями и значение модели REMM в качестве единой поведенческой гипотезы для социальных наук. В следующих четырех разделах мы постараемся развить эту мысль.

«Невидимая рука»: возникновение социальных явлений из взаимодействия между индивидами

Социологический подход отражает одну старую проблему, которой занимаются политические философы. Каким образом общество, представленное социальными институтами, нормами или правилами поведения, может возникнуть в результате действий эгоистически настроенных индивидов? Кажется, что факт преобладания среди индивидов эгоистического поведения препятствует объяснению социальных образований, в том числе социальных ценностей, в терминах индивидуальных инициатив и действий. Кажется, что перехода от отдельного индивида к обществу не существует – положение, которое постоянно подчеркивают социологи марксистского и немарксистского направления. По их мнению, общество нельзя рассматривать как сумму или собрание эгоистичных индивидов; оно представляет собой самостоятельную онтологическую целостность, структуры и модели поведения которой нельзя свести к поведению индивидов.

Понятие общего равновесия в экономике помогает легко обнаружить изъян в этом социологическом рассуждении. Например, с точки зрения социологов, на конкурентном рынке цены противостоят отдельным агентам как заданные неконтролируемые элементы социальной реальности. Однако из общей теории цены мы знаем, что цены не являются самостоятельными социальными элементами, не связанными с поведением индивидов. Наоборот, цены можно свести к этому поведению. Они возникают из специфического взаимодействия между эгоистическими индивидами, не замечающими или не знающими сути этого процесса, обусловленного их совместными действиями. Процесс взаимодействия, таким образом, включает в себя нечто большее, нежели просто суммирование индивидов. Поэтому социологический подход к анализу связи между социальными явлениями и индивидуальным поведением просто обречен на неудачу. Уже сама его формулировка является свидетельством удивительной аналитической наивности. Это особенно поражает, если мы вспомним революционный вклад, внесенный в изучение данной проблемы Адамом Смитом, который ввел в обращение известный термин «невидимая рука». Более двухсот лет тому назад он разработал основные представления о природе процесса со-

циального взаимодействия, порождающего социальные структуры, создание которых не входит в намерения эгоистичных индивидов и не планируется ими. Он рассматривал процесс взаимодействия, генерирующий социальные структуры, как управляемый «невидимой рукой» и не требующий чьего-либо вмешательства. «Невидимая рука» нередко становилась объектом насмешек, однако насмешки не могли обесценить важнейшего пункта анализа, а именно наличия процесса взаимодействия, связывающего социальные явления с поведением эгоистичных индивидов.

Объяснение с помощью понятия «невидимой руки» образует ядро любого анализа социальных институтов и форм социальной включенности, основанного на модели REMM. Хайек в последние двадцать лет значительно продвинулся в этом пункте, сделав, в частности, упор на возникновении абстрактных объективных правил поведения как неременном условии существования жизнеспособных «расширенных» (greater) обществ, выходящих за пределы отдельных эмоционально связанных групп людей, скитавшихся по Земле в доисторическую эпоху.

Этот подход также дает возможность выделить силы, стимулирующие согласованность в человеческом обществе. «Моральные общины» в смысле Бьюкенена (Buchanan, 1975) могут функционировать в «расширенном» обществе. Такие общины обладают внутренней связующей силой, имеющей эмоциональную основу и базирующейся на прочных личных связях между членами общины. Главным примером связей между членами моральных общин являются религиозные связи. Однако «расширенные» общества едва ли могут составлять единую моральную общину, особенно в современную эпоху. При наличии в пределах одного общества многочисленных конкурирующих между собой моральных общин решающее значение имеет моральный порядок, устанавливаемый общими нормами и абстрактными правилами поведения. Такие правила должны регулировать взаимоотношения между различными моральными общинами, а также поведение индивидов, не входящих в эти общины. Они уменьшают для членов общества степень неопределенности возможных вариантов поведения других его членов. Таким образом они способствуют координации социальной жизни в обществах, имеющих сложную структуру. Следовательно, нормы и правила действуют как ограничения, которые члены общества соблюдают с выгодой для себя.

Никакое общество, не имеющее морального порядка, не сможет функционировать и выжить в конкуренции с другими обществами, в которых этот порядок более прочен. Беспорядок свидетельствует либо о переходе к новому моральному порядку, либо о разложении общества. Религиозные ритуалы, нормы и правила развиваются в контексте почтительного исторического или эволюционного экспериментирования. Анализ, основанный на понятии «невидимой руки», объясняет возникновение этой социальной включенности. Эволюционный подход показывает, сверх того, что нам следует ожидать наличия широко разнообразия моральных общин и моральных порядков. Аналитическим инструментом здесь может стать теория суперигр с ее акцентом на неоднозначности институционального равновесия (Schotter, 1981). Это эволюционное экспериментирование, осуществляемое без плана и не обусловленное намерениями людей, обнаруживает некоторые аналогии с процессом биологической эволюции. Разнообразие моральных общин и моральных порядков и их изменение с течением времени порождают существенные различия в экономическом развитии и жизнеспособности отдельных обществ. Кроме того, взаимодействие между членами общества, формирующее социальные ценности, представляет собой постоянно идущий процесс, который с течением времени модифицирует нормы и правила.

Один важный аспект заслуживает особого внимания. Богатое разнообразие моральных общин и моральных порядков, о существовании которого западная интеллигенция постепенно узнавала все больше и больше, заметно способствовало эрозии ее морального порядка. Разнообразие использовалось для оправда-

ния морального релятивизма. Распространение последнего означало значительное ослабление эмоциональной приверженности унаследованным нормам и правилам. Это ослабление не было результатом возникновения новых социальных ценностей, которые бы обеспечивали регулятивные рамки поведения. Подобная эволюция означала, что процесс социализации шел без руля и без ветрил. Моральный релятивизм, который выводится из существующего разнообразия моральных систем, и его последствия для поведения не дают нам понимания эволюционного аспекта моральных систем, связанного с более или менее изобретательным преодолением человеком трудностей, с которыми он сталкивается. Это также не позволяет признать и понять фундаментальный факт, что общество, лишенное морального порядка, внутренне несогласованно и страдает от расширения и усиления конфликтов и неопределенности.

Теория суперигр, помимо демонстрации неединственности институционального равновесия, позволяет понять и другие аспекты рассматриваемой нами проблемы. Исследование ситуаций типа «дилеммы заключенного» показывает, как может возникнуть сотрудничество даже между эгоистическими индивидами. Р.Аксельрод в своем экспериментальном исследовании (Axelrod, 1984) продемонстрировал превосходство стратегии типа «ты – мне, я – тебе» в долговременном плане. Эта стратегия преобладает над множеством других стратегий и в конце концов обуславливает доминирование социальной кооперации. Кроме того, тот же самый анализ проясняет природу широко распространенного заблуждения, когда конфликт (или конкуренция) и кооперация представляются взаимоисключающими моделями поведения. Кооперативное поведение имеет место даже при наличии конфликтующих интересов эгоистичных индивидов. Этот подход объясняет удивительный случай, который произошел во время первой мировой войны. Аксельрод описывает окопную войну, когда одни и те же подразделения враждующих сторон противостояли друг другу в течение длительного времени. Это создало естественную возможность для кооперативного поведения на основе стратегии типа «ты – мне, я – тебе». В результате между враждующими сторонами было заключено соглашение по формуле «живи и давай жить другому». В соответствии с ним солдаты, стреляя в сторону противника, намеренно промахивались. Нарушения соглашения, допущенные одной стороной, карались посредством аналогичных «некооперативных» действий с другой стороны. Такое поведение было в конечном счете пресечено высшим командованием с помощью простой стратегии: оно стало часто заменять подразделения, с тем чтобы у них не было достаточно времени для возникновения желания перейти на кооперативную модель поведения.

Теперь нам следует рассмотреть особый набор правил, порождаемый социальным взаимодействием. В одном из предыдущих разделов было отмечено, что максимизирующее поведение наблюдается не при всех обстоятельствах. Было введено более фундаментальное понятие рационального поведения, в качестве приближения которого часто действительно можно использовать понятие максимизирующего поведения. Физические способности человека также являются ограниченным ресурсом, который должен использоваться изобретательно. Эта проблема в литературе получила название проблемы «ограниченной рациональности» – термин, который вносит некоторую путаницу, поскольку он предполагает, что рациональное и максимизирующее поведение – это одно и то же. Однако случаи, при рассмотрении которых данный термин применяется, имеют прямое отношение к нашим рассуждениям. Этот подход можно сравнить с ситуацией, которая возникает в исследовании операций, когда существует алгоритм максимизирующего решения, но этот алгоритм оказывается сложным, а его применение – дорогостоящим. Альтернативные алгоритмы, более легкие и требующие меньших затрат, часто дают удовлетворительное приближение к максимизирующему решению. Потери, обусловленные отклонением от максимизирующего решения, при данных обстоятельствах могут быть компенсированы за счет большей экономичности алгоритма. Это попросту означает, что при рациональ-

ном поведении принимаются во внимание затраты и неудобства, связанные с поиском наилучшего решения. Ограниченность физических возможностей обрекает человека на постоянную деятельность в условиях жестокой нехватки информации, так что во многих случаях рациональное поведение не может принимать форму стандартного максимизирующего поведения. К этому результату приводит именно рациональное и изобретательное поведение. Изобретательное преодоление трудностей и поиски решения в таких случаях ведут к появлению чисто прикладных правил принятия решений. В процессе социального взаимодействия между индивидами информация об этих правилах распространяется среди членов данной социальной группы. Тот же самый процесс обеспечивает конкурентный отбор среди различных альтернативных правил рационального поведения. Согласно Алчяну (Alchian, 1950), социальные группы, правила которых являются более приспособленными к реальности, обладают большей способностью к выживанию в долговременной перспективе.

Подход типа «невидимой руки» был успешно применен для объяснения возникновения «минимального» государства (Nozick, 1974) или возникновения естественного равновесия в условиях анархии в качестве промежуточного шага на пути к «минимальному» государству (Buchanan, 1975). Интересным случаем является формирование структуры прав собственности на золотых месторождениях Калифорнии (Umbeck, 1981). Все эти примеры заставляют серьезно усомниться в правильности социологического тезиса об автономности общества, который принят в социологической модели. Анализ социальных процессов с точки зрения действия «невидимой руки» демонстрирует ошибочность утверждений социологов о том, что не существует канала, передающего воздействие индивидуального поведения на общество. Этот подход дает также полезную программу исследования процессов, порождающих и модифицирующих социальные ценности, и позволяет выйти далеко за пределы описаний, дополняемых спекуляциями.

Эволюция и связь между двумя моделями

Тему эволюции, которую мы затронули в предыдущих разделах, теперь следует несколько расширить. В процессе социокультурной эволюции нормы и правила возникают в ответ на новые обстоятельства. Крупные адаптационные изменения в обществе, отражающие изменения важнейших условий его функционирования, обычно сопровождаются изменениями норм и правил. Линденберг (Lindenberg, 1985) привлек наше внимание к этому явлению, наглядно прояснив соотношение и существенную разницу между REMM и SRSM. Он с полным основанием утверждает, что модель SRSM годится для описания стационарного общества, однако она не способна объяснить явления, вызванные изменениями условий жизнедеятельности общества. Стационарное общество не обнаруживает изобретательности, способности к осуществлению выбора или замещения, его потенциал остается нереализованным и, вероятно, ограничивается доставшимися в наследство институтами. Однако этот факт не означает, что изобретательность и выбор отсутствуют. Они просто не используются. Это положение развивается в следующей цитате из Линденберга:

«Можно привести убедительные аргументы в пользу утверждения о том, что в очень стабильных обществах большинство действующих в них ограничений (если не все они) будут выражены в ролевых ожиданиях или санкциях. В этих случаях модель SRSM представляет собой удобное стенографическое обозначение институтов, структурных ограничений и социального поведения одновременно. Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда ожидаемое поведение всегда принадлежит к множеству жизнеспособных альтернатив и когда способ поведения, предписываемый ролевыми ожиданиями, всегда обеспечивает максимальную разность между ожидаемым вознаграждением и ожидаемыми издержками. Представьте себе организацию, в которой каждый ведет себя так, как ему велели. Тогда все, что нам нужно будет сделать для того, чтобы пред-

сказать поведение каждого индивида в определенном положении, – это воспроизвести схему организации (т.е. описать смыкающиеся ролевые ожидания). Неудивительно, что антропологи часто применяли эту схему к мелким стабильным обществам, используя в качестве модели человека SRSM. Важно, однако, заметить, что [REMM] при этих ограничениях ведет себя так же, как SRSM. Но как только эти ограничения отпадают, модель SRSM ничего не говорит нам о том, как может измениться поведение» (Lindenberg, 1985, p.102).

В модели REMM акцент делается на изобретательной адаптации, которая выражается в поведении, основанном на рациональном выборе. Поведение, связанное с поиском, преодолением трудностей, нащупыванием и исследованием, которое мы обозначаем одним словом «изобретательность», согласно REMM, не является заданной константой. Сила и интенсивность этой изобретательности меняются в зависимости от ощущения индивидом значимости проблемы.

«Возьмем, к примеру, примитивное общество охотников и собирателей, в котором мужчины социализируются, принимая на себя роль охотника, а женщины – роль собирателя. Пусть теперь численность этой и окружающих ее групп людей возрастает до такой степени, что (биологически детерминированный) запас ресурсов (дикие животные, мясо которых пригодно в пищу, ягоды и т.д.) начинает медленно иссякать. Что произойдет? Мужчины будут продолжать охотиться, а женщины собирать растения, однако предельная продуктивность их (соответствующих ролям) усилий будет снижаться. Снизится и число индивидов, для которых ролевое поведение приносит наибольшее вознаграждение. Возникнет ситуация, в которой [REMM] будет все меньше и меньше действовать как SRSM. Хотя [REMM] не позволяет нам сказать, какие из альтернативных вариантов действий вознаграждаются выше по сравнению с теми, которые предписываются ролевыми ожиданиями, мы знаем, что REMM изобретателен, т.е. что он способен обучаться и изобретать. Пусть одна из групп начинает осуществлять контроль за своей численностью (скажем, практикуя убийство детей). Пусть другая группа налаживает табу на охоту и собирание растений в определенные дни, тем самым ограничивая степень эксплуатации ресурсов. Пусть третья группа использует своих охотников для охраны своей территории от представителей других групп. Каждая группа по-своему изобретательна, однако третья создала совершенно новую ситуацию: в пределах ее охраняемой территории всякая дальнейшая изобретательность ее членов будет приносить выгоду только членам этой группы, в значительной мере увеличивая предельную ценность подобного рода поведения для членов группы. Попытки удержать съедобных животных в пределах охраняемой территории, вероятно, должны привести к одомашниванию некоторых из них. Попытки увеличить урожай культур в пределах этой территории, вероятно, приведут к отысканию новых съедобных растений и к накоплению некоторых знаний о семенах и о том, как возделывать некоторые культуры. Мало-помалу, будет развиваться оседлое аграрное общество, в котором возникнут роли, в значительной мере отличные от ролей охотников и собирателей. Поскольку в аграрном обществе дефицитные ресурсы (скот, пахотные земли) можно накапливать, изобретательное и максимизирующее поведение приведет к значительно большему социальному неравенству по сравнению с тем, которое существовало в обществе, в котором дефицитные ресурсы (дикие животные, ягоды и т.д.) накапливать было невозможно» (Lindenberg, 1985, p.102).

Модель SRSM неявно предполагает, что схема «издержки-прибыль» стимулирует исполнение принятых в обществе ролей и наказывает за отклонения от них или что индивиды не восприимчивы к вариациям в схеме «издержки-прибыль», вызванным происходящими изменениями в окружающей среде. Второе предположение опровергается внушительной массой наблюдений, касающихся поведения человека. Первое предположение может иметь силу для стационарного общества, однако оно неизбежно утрачивает ее в эволюционирующей среде. В обществах с менее жесткой структурой институтов изобретательности человека

может быть достаточно для того, чтобы непрерывно изменять схему «издержки-прибыль» так, что возникнет отклонение от исполнения унаследованных ролей.

Для того чтобы пояснить изъяны в модели SRSM, можно воспользоваться и другими примерами. Демсец (Demsetz, 1967) изучал изменение структуры прав собственности в одном индейском племени. До того как появились возможности обмена с белыми торговцами, земля находилась в общей собственности племени. С началом торговли существование общей собственности привело к возникновению негативных побочных эффектов. Максимизирующее поведение вело к слишком активной охоте. В результате изобретательность привела к изменению социальных институтов. На смену общей собственности пришла семейная собственность на отдельные участки земли. Это институциональное изменение устранило негативные побочные эффекты и модифицировало стимулы к охоте. Последствия деятельности семьи больше не оказывали влияния на положение всего племени, а ограничивались только рамками самой семьи.

Эволюционные последствия изобретательного, оценивающего и рационального поведения можно выявить и во многих других случаях. Например, в течение последних двадцати лет произошли крупные изменения в финансовом секторе экономики США. Дерегулирование и финансовые инновации породили радикально новые схемы действия. Этот процесс является примером изобретательного преодоления трудностей и исследования новых обстоятельств рационально мыслящими агентами. Атмосфера возрастающего риска и неопределенности вкупе с дерегулированием свела на нет выгодность конформистского поведения. Изменение схемы «издержки-прибыль» стимулировало разработку новых видов услуг, финансовых инструментов и технологий. В результате прихода и структура финансового сектора за последние несколько десятилетий значительно изменились. Аналогично институциональные изменения, выразившиеся в дерегулировании, произошли в результате воздействия устойчивой инфляции на процентные ставки.

Мы можем привести пример и из далекого прошлого. Историк Линн Уайт (White, 1962) в своей захватывающей книге проследила возникновение множества технологических инноваций в период средневековья, в том числе стремян и упряжи для лошадей, тяжелого плуга, более экономичной печи и функциональной пуговицы. Эти инновации явились результатом напряженных усилий многих отдельных рационально мыслящих агентов. Они возникли не под давлением общества. Они модифицировали средства ведения войны, изменили социальную структуру и повысили продуктивность сельского хозяйства. Результатом стало возникновение феодальной системы и средневековых городов. Такой эволюционный курс сбивает SRSM с толку. На сцену выходит REMM, дремавший за спиной SRSM. Он разрушает корреляцию между поведением, максимизирующим разность между выгодой и издержками (и то, и другое оценивается в терминах индивидуальных предпочтений) и унаследованным конформистским поведением. Примеры эволюционных приспособлений обнаруживают, что модель SRSM следует ложному направлению анализа и, в лучшем случае, дает ограниченное описание реальности.

Здесь следует упомянуть об одной фундаментальной проблеме. Изобретательное преодоление трудностей и исследование возможностей порождают инновации и эволюционный процесс, однако само это поведение остается по сути своей непредсказуемым. Это положение было разработано в более общей форме сэром Карлом Поппером (Popper, 1957). Инновации, упомянутые выше, едва ли были предсказуемыми. Из истории развития техники мы знаем, что даже инновации, основанные на известных изобретениях, не были легко предсказуемыми. Ведущие эксперты считали, что реактивный двигатель нельзя использовать на самолетах в то время, когда соответствующая технология была уже полностью понятна, а германские военно-воздушные силы уже располагали прототипами реактивных самолетов. Подчеркиваемая здесь непредсказуе-

мость не означает, что в социально-экономической сфере нельзя делать полезные прогнозы. Условные прогнозы, касающиеся ограниченных областей изучаемой нами реальности, часто оказываются возможными и они имеют информативную ценность. Мы также часто можем правильно определять общую природу и направление процессов замещения, вызываемых изменениями общих условий. Принципиальная непредсказуемость социально-экономических эволюционных процессов не препятствует пониманию их общей природы.

Изменение ценностей

В предыдущих разделах было рассмотрено формирование социальных ценностей в процессе социального взаимодействия между преследующими свой личный интерес индивидами. В любой момент времени унаследованный капитал общества в виде норм и правил также оказывает влияние на поведение индивида. Влияние социальных ценностей реализуется через более или менее сознательное и намеренное принятие их индивидами в качестве части касающихся их ограничений или предпочтений. Можно ожидать, что изменения ценностей будут модифицировать поведение. Эта связь, безусловно, образует важный компонент социокультурной эволюции. Но прежде чем подступиться к этой сложной проблеме, вначале следует разобраться с некоторыми другими вопросами. Нам необходимо критически рассмотреть склонность социологов объяснять изменения или различия в наблюдаемом поведении изменениями ценностей. Мы утверждаем, что неценностные компоненты ограничений часто позволяют дать лучшее и более адекватное объяснение.

Любое объяснение социальных явлений включает два аналитических уровня: уровень индивидуального поведения и уровень социального взаимодействия. На первом уровне в центре внимания находятся предпочтения индивидов и касающиеся их ограничения. Изменения в социальных явлениях на этом уровне выводятся из изменений предпочтений или ограничений индивидов. Традиционная для экономистов стратегия исследований предполагает сосредоточение внимания прежде всего на изменениях ограничений. Не следует, конечно, отрицать, что изменения в предпочтениях также могут происходить, и происходят на самом деле. Но сама суть традиционной стратегии исследования состоит в том, чтобы уклониться от рассмотрения трудно поддающихся оценке и по большей части спекулятивно определяемых изменений ценностей. У социологов же нет оснований осторожничать в этом плане. Социологическая модель не содержит никаких взаимосвязей между предпочтениями и ограничениями. OSAM предполагает, что изменения ценностей объясняют наблюдаемые социальные изменения. Однако социальный анализ, разработанный экономистами, демонстрирует некоторую двусмысленность этой стратегии, поскольку смысл понятия «изменение ценностей» остается неясным. Любая дискуссия о ценностях неизбежно приводит к такому результату. Ценности не имеют структуры, и их связь с индивидуальным поведением всегда остается туманной и чисто импрессионистической.

Исследование взаимосвязи между предпочтениями и ограничениями показывает, что изменение ценностей может на самом деле порождать две в корне различные ситуации, требующие различной интерпретации. С одной стороны, изменение поля предпочтений (т.е. системы ценностей) обычно влечет за собой изменение поведения, т.е. местоположения точки оптимального выбора в поле предпочтений даже при неизменных ограничениях. С другой стороны, изменение ограничений модифицирует поведение при неизменной системе ценностей. Изменение оптимального выбора, вызванное изменением ограничений, связано с изменением сравнительной оценки (т.е. предельных норм замещения) различных имеющих отношение к данному случаю объектов, благ и т.д. Изменение ценностей может, таким образом, означать изменение системы ценностей или изменение сравнительных оценок в пределах неизменной системы. Первое происходит независимо от любого изменения ограничений, в то

время как второе вызывается именно изменением ограничений и может быть сведено к этому последнему. Важность этого различия можно подчеркнуть с помощью некоторых иллюстративных примеров.

Хиршман (Hirschman, 1982) в обзоре, посвященном интеллектуальным оценкам социальных организаций, координируемых рынками, заметил, что западные общества были довольно неожиданно охвачены эгоизмом в начале прошлого века. В XVIII в. некоторые наблюдатели также жаловались на то, что приверженность понятиям «ранга и знатности» разрушается распространяющимся эгоизмом. Такие рассуждения указывают на фундаментальное изменение не только поля предпочтений, но и в человеческом целеполагании. Из этого следует, что эгоистическое поведение представляет собой исторически обусловленную схему действий. Однако исторический опыт и социобиология говорят нам об ином. Круг действий, в которых выражается эгоистическое поведение, существенно меняется в зависимости от накопленного человечеством исторического опыта. Ограничительные институты общества, приверженного «рангу и знатности», сужали множество возможностей для оптимального выбора. Кроме того, социальные ограничения иногда порождали т.н. «угловые» решения (corner solutions). В результате достаточно широкая область поведения казалась не связанной с эгоизмом и демонстрировала подверженность непосредственному влиянию общества. В этом случае ошибочно полагается, что эгоизма не существовало, хотя на самом деле у него не было возможности проявиться. Изменение ограничений, расширяющее множество возможностей, расширяет и круг допустимых проявлений врожденного эгоизма. Таким образом, эволюция институциональной структуры, которая шла по пути приспособления к распространявшемуся капитализму, создала впечатление изменения ценностей. Однако при более внимательном рассмотрении поведения в контексте ограничивающих социальных условий обнаруживаются образцы изобретательной адаптации. Часто они ведут к модификации охвата, интенсивности и содержания социальных ограничений. Нам не следует выводить реальную жизнь и реальное поведение из одной только структуры общества. Наглядные примеры эгоистического поведения можно найти в деятельности духовенства и светских лиц, которые процветали в условиях системы «рангов и знатности». Эрозия этой системы и появление возможностей для проявлений эгоизма другими, естественно, ими осуждалась.

Множественность типов социального действия, обычно приписываемая различиям в позициях и ориентациях, является, по крайней мере отчасти, следствием разнообразия ограничений. Часто наблюдаемые различия в степени внимания, уделяемого индивидами друг другу, обычно объясняются разнообразием человеческих ценностей. Различия в степени альтруистического поведения могут иметь место. Однако можно дать и альтернативное объяснение, основанное на разнице ограничений и различной плотности проживания населения. Дело в том, что проявление внимания представляет собой деятельность, протяженную во времени. Поэтому значительные различия в частоте встреч людей друг с другом необходимо вызывают столь же значительную разницу в величине выделяемого на внимание времени, приходящегося на каждую встречу. В регионах с низкой плотностью населения при каждой встрече уделяется намного больше внимания, чем в регионах с высокой плотностью, даже при одинаковом наборе ценностей. В регионах с низкой плотностью населения проявление внимания может подкрепляться и тем фактом, что при данных обстоятельствах оно представляет собой хорошее вложение капитала. В таких регионах люди в большей мере полагаются на помощь друг друга в чрезвычайных ситуациях.

Приведем еще один пример. Антропологи и социологи исследовали поведение африканских фермеров в британских колониях. Эти фермеры, казалось, были заинтересованы в достижении лишь весьма скромного уровня дохода. Хотя представлялось очевидным, что их ценности должны отличаться от ценностей западных фермеров, дальнейшее изучение показало, что ситуация была

совершенно иной (см. Jones, 1960). Оказалось, что некоторые колониальные власти вводили для африканских фермеров суровые ограничения: они были обязаны продавать свою продукцию монопольному экспортеру, устанавливавшему сравнительно низкие цены. В результате подрывались стимулы к увеличению производства. Без таких ограничений африканские фермеры реагировали на стимулы точно так же, как и западные фермеры.

Примеры можно продолжать и далее, однако существо дела уже должно быть понятно. Проблема возникает из-за того, что социологическая модель не включает в себя ни ограничений, ни структурированных предпочтений, которые создают возможность для всеобщего замещения.

Дж.Р.Эвинг и комиссар

В данной статье утверждается, что нормы и правила, управляющие поведением членов социальной группы, возникают из взаимодействия эгоистичных индивидов, а преобладающие ценности зависят от набора существующих институциональных установлений. Эти установления определяют множество возможностей, а следовательно, и местоположение выбираемой точки в поле предпочтений. Таким образом, социальный порядок оказывает влияние на преобладающие ценности, по крайней мере в отношении сравнительных (предельных) оценок.

Есть, однако, более фундаментальная проблема, на которой следует остановиться. Существует прочно утвердившаяся интеллектуальная традиция, осуждающая наличие или отсутствие некоторых человеческих качеств в условиях социального порядка, именуемого капитализмом. Характерными чертами капитализма считаются алчность и узкий эгоизм: дух конкуренции, пронизывающий его, стимулирует развитие конфликтов и препятствует развитию духа сотрудничества. Капитализм словно бы систематически отбирает для себя ценности более низкого свойства и отвергает ценности более высокие. Даже Фрэнк Найт (Knight, 1935) присоединил свой голос к этому хору. Эти взгляды распространены в кругах современной интеллигенции и часто находят свое выражение в средствах массовой информации. Интересный пример являет собой Дж.Р.Эвинг в телевизионном сериале «Даллас»*. Он – представитель типа человека, порожденного капитализмом. Марксистская литература наиболее убедительно и четко выразила точку зрения, согласно которой господствующий в обществе эгоизм (отождествляемый с мотивом максимизации прибыли) является неизбежным следствием существования частной собственности. Индивиды находятся под всеобъемлющим воздействием социального порядка. Он определяет роли, которые должны играть члены общества, и при данном социальном порядке нет никакой возможности спастись от этой судьбы.

Однако социологическая модель указывает на возможность спасения. Радикальное изменение социального порядка полностью меняет распределение ролей, а следовательно, и поведение. Предполагается, что уничтожение частной собственности на самом деле обеспечивает нечто большее: человек освобождается от плена ложного сознания. В частности, он освобождается от эгоизма, который при социализме атрофируется. Наступает расцвет «некоммерческих» ценностей высшего порядка. Похожую идею, внутренне присущую социологической модели, разрабатывал А.Оукан (Okun, 1975). По его мнению, в рыночно-ориентированной среде при наличии частной собственности люди являются рабами коммерческих ценностей и прибыли. В нерыночных средах, при отсутствии частной собственности, поведением будут управлять некоммерческие ценности, которые являются ценностями более высокого порядка с общественной точки зрения.

* Аналогичный персонаж – С.С.Кепвелл в телесериале «Санта Барбара». – *Прим. ред.*

К этой проблеме в последние годы все больше и больше обращаются теологи. Поиск путей формирования нового человека в новом обществе уже давно занимал умы отцов церкви. Современные теологи католического и протестантского толка хором осуждают пороки капитализма и деструктивную силу эгоизма. Поэтому они призывают к мобилизации политических сил во имя изменения социального порядка. В той или иной форме их мечты направляют нас к будущему социалистическому обществу, руководить которым в идеале будут теологи.

В этом пункте их позиция представляется в каком-то смысле амбивалентной. Подобно марксистам, они движимы желанием создать общество свободного человека и всеобщей любви. Неясно, однако, принимают ли они всю марксистскую аргументацию, основанную на социологической модели, и ожидают ли, таким образом, естественной эволюции нового человека? (Гутьеррес, ведущий латиноамериканский теолог, выступающий за освобождение человека, открыто признает, что основанием для его рассуждений является марксистская версия социологической модели.) Или же они считают необходимым и оправданным навязывание членам нового общества *формы* какой-то общины, без ее *содержания*, благодаря чему моральное общество сможет диктовать свою волю аморальному человеку? Ясно только то, что моральное общество, удовлетворяющее теологическим мечтаниям, может адекватно функционировать лишь на основе социологической модели.

Основным контрапунктом этих сетований и мечтаний являются фундаментальные предположения, разделяющие REMM и социологическую модель. Последняя описывает человека в виде чистого листа, который должен заполняться социальным порядком. Согласно же REMM, человек рождается с биологическими наклонностями, которые налагают отпечаток на его поведение. К этим наклонностям, среди прочего, относится движимое личным интересом поведение. Такое поведение и *другие* биологические наклонности обнаруживаются при любых вариантах социального строя. Отсюда следует, что при довольно наивном отжествлении эгоизма с погоней за прибылью упускается из вида один важный момент. Данный подход неизбежно приводит к выводу о том, что поскольку отмена частной собственности устраняет прибыль, то погоня за прибылью улетучивается. Однако погоня за прибылью является лишь одним из компонентов поведения, движимого личным интересом. В отличие от фундаментальной наклонности к эгоизму, многообразные формы эгоистического поведения зависят от социального строя. Погоня за прибылью (или, лучше, стремление к накоплению личного богатства), конечно же, является важным проявлением эгоизма в рыночной экономике. Однако эгоизм не исчезает при общественных институтах социалистического государства. Этот момент имеет критическое значение. Модель REMM предупреждает нас о том, что в таком социальном контексте эгоизм будет проявляться иными, весьма непривычными способами. Пристальное наблюдение за поведением крестьян, рабочих, управленцев и партийных функционеров будет выявлять случаи изобретательного преодоления трудностей представителями различных социальных групп, реагирующих на складывающиеся обстоятельства. Реальность обычно оказывается скрытой за густой завесой слов о гуманистических ценностях социалистического общества, соответствующих идеальной схеме. Распространенная среди интеллигенции готовность принимать эти слова за окончательную реальность является примечательным феноменом. Мы можем теперь с пользой для себя вспомнить о трудностях, с которыми столкнулся генерал Эйзенхауэр, пытаясь ответить на утверждение маршала Жукова о том, что коммунизм стоит за братскую любовь, коллективизм и равенство.

Повсеместное распространение эгоистического поведения означает столь же широкое распространение конкуренции. Множество людей с трудом признают этот факт, имеющий фундаментальное значение. Подчеркивание важности социальных условий приводит к тому, что конкуренция воспринимается как соци-

альный процесс, который характерен лишь для рыночно-ориентированных систем. В условиях действия социалистических институтов якобы не может возникнуть никакой конкуренции. Предполагается, что конкуренция является характерной чертой капитализма, в то время как социализму присуща кооперация. Однако анализ, основанный на идее «невидимой руки», показал, что кооперативный аспект «встроен» в социальные процессы и при капитализме. Здесь же важно подчеркнуть, что социальной структуре социализма внутренне присуща конкуренция. Эту конкуренцию нельзя обнаружить, если искать «капиталистические» образцы конкурентного поведения. Природа конкуренции сильно зависит от социального порядка и преобладающих институтов. Природа механизмов конкуренции, действующих в обществе, в конечном счете определяется изобретательным преодолением трудностей и экспериментированием отдельных индивидов. Модель REMM указывает на то, что социалистические институты стимулируют появление модели, которая в значительной степени основана на взаимодействии личностных черт и политических отношений или на использовании доступного политического аппарата.

При взвешенной оценке альтернативных социальных порядков следует уделять особое внимание типичным действиям человека в условиях различных процессов конкуренции. Нам необходимо, в частности, изучить, как скажутся эти процессы на честности людей, их внимании друг к другу и взаимной заботе, дружеских отношениях и т.д. Особого внимания заслуживает один конкретный аспект. Социалистические и рыночно-ориентированные системы существенно различаются по богатству возможностей выбора, предоставляемых членам общества, т.е. по величине приемлемого набора добровольных трансакций. При социализме типичный индивид остается в значительной мере под контролем «комиссара». При капитализме иметь или не иметь дело с «Дж.Р.Эвингами» – это вопрос выбора. Мы можем избежать их общества, но при социализме мы не можем избежать комиссара. Социобиологический компонент REMM покажет, кроме того, что «Эвинги» едва ли встречаются только при капитализме. Такой тип характера будет появляться как при социализме, так и при капитализме согласно закону случайных чисел. Однако отбор их на комиссарские посты будет неслучаен. В условиях социалистических институтов эти люди, возможно, продемонстрируют большие способности к выживанию. На самом деле социалистическое общество предлагает потенциальным «Эвингам» больше заманчивых возможностей. Примечательно, что Ленин намеренно комплектовал свой репрессивный аппарат за счет наилучших отбросов общества. Он мог быть уверен, что беспощадное истребление неугодных классов будет неукоснительно осуществляться ими без всяких утрызений совести, а может быть, и с некоторым особым наслаждением.

Анализ ситуации типа «дилеммы заключенного» (его результаты были кратко изложены выше) показывает, как возникает кооперативное поведение среди эгоистичных людей. Такое кооперативное поведение в какой-то мере стимулирует взаимное внимание и уважение друг к другу. В противоположность этому, институциональные образования социалистического общества создают мало стимулов к тому, чтобы люди были внимательными по отношению к «клиентам». Кроме того, ощущение несоответствия между реальной жизнью при социалистических институтах и официальной идеологией едва ли способствует распространению ценностей более высокого порядка. Конечно, мы должны также признать постоянную амбивалентность человека при капитализме. В самом деле, здесь можно найти и жадность, и подлость, и беспощадный эгоизм, но действуют и важные некоммерческие и гуманистические ценности. Открытое общество дает широкие возможности для экспериментирования в поисках ценностей и смыслов. Оно также позволяет любому индивиду протестовать против наблюдаемой несправедливости и убеждать других в том, чтобы они руководствовались в своей жизни более важными (по его мнению) ценностями. В конце концов, кажется, что человеческая амбивалентность – это луч-

шее из того, что можно ожидать от нас, грешных. В то же время попытка построить моральное общество предполагает наличие жесткого институционального устройства, порождающего стимулы, которые не способствуют культивированию человеческих ценностей.

IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данная работа продолжает основную линию рассуждений, развитых в предыдущей статье Бруннера и Меклинга (Brunner and Meckling, 1977). В ней подчеркивалось, что различное видение общества в мире интеллектуалов и среди публики в конечном счете определяется противоречащими друг другу гипотезами относительно природы человека. В той статье данный тезис был сформулирован применительно к различию взглядов по поводу функционирования политических институтов и условий, способствующих развитию коррупции.

В настоящей работе более детально описаны основные конфликтующие взгляды на человека с особым акцентом на те аспекты, которые обычно упускают из вида или понимают неправильно. Часто полагают, что политическая и интеллектуальная битва, касающаяся будущего западных обществ, в конечном счете ведется вокруг эмпирической обоснованности противоречащих друг другу взглядов на человека. Однако на данной стадии более важной является фундаментальная когнитивная проблема, с которой сталкивается социальная наука. В данной работе утверждается, что социологическая модель не предлагает полезной гипотезы социальной реальности. Мы отвергаем теорию «ящичков», принимаемую в неявном виде в большинстве работ по социальным наукам. Мы утверждаем также, что модель REMM обеспечивает единый подход для социальных наук, которые теперь могут предстать в виде единой дисциплины, включающей разные отрасли, различающиеся (как это имеет место в самой экономической науке) характером рассматриваемых в них проблем, ситуаций и приложений. Это развитие в какой-то мере будет зависеть от дальнейшего прогресса в аналитической формулировке базовых идей. Это касается, в частности, возникновения социальных ценностей, их эволюции и влияния, а также, в общем виде, природы связи между социальными ценностями, индивидуальным поведением и социальным взаимодействием индивидов. Уже ведется работа по включению социальных норм и правил в фундаментальную модель выбора. Но необходимо также детально исследовать условия, ведущие к модификации этого социального капитала, обладающего свойствами общественного блага. Особенно важно сейчас добиться более глубокого понимания процесса износа этого социального капитала. Можно предположить, что сфера конфликтов будет расширяться, а неопределенность будет усиливаться, и это будет иметь новые последствия для экономической ситуации и внутренней согласованности общества. Курс указан, и он дает нам многообещающую программу новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Г.** Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS, Зима 1993, т.1, вып.1, с.24–40.
- Норт Д.** Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS, Весна 1993, т.2, вып.2, с.69–91.
- Парсонс Т.** Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS, Весна 1993, т.1, вып.2, с.94–122.
- Хайек Ф.А. фон.** Пагубная самонадеянность. Пер. с англ. М.: Новости, 1992.
- Alchian A.A.** Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy, June 1950, p.211–221.

- Axelrod R.A.** The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books Inc., 1984.
- Barrash D.** The Whisperings Within. New York: Harper and Row, 1979.
- Brunner K. and Meckling W.H.** The Perception of Man and the Conception of Government // Journal of Money, Credit, and Banking, February 1977, p.60–85.
- Brunner K. and Meltzer A.H.** The Uses of Money: Money in the Theory of an Exchange // American Economic Review, December 1971, p.784–805.
- Buchanan J.** The Limits of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Demsetz H.** Toward a Theory of Property Rights // American Economic Review, May 1967, p.347–359.
- Durkheim E.** Moral Education: A Study in the Theory and Application of the Sociology of Education. New York: Free Press, 1961.
- Hirschman A.O.** Rival Interpretations of Market Societies: Civilizing, Destructive, or Feeble? // Journal of Economic Literature, December 1982, p.1463–1484.
- Horkheimer M.** Eclipse of Reason. New York: Oxford University Press, 1947.
- Jones W.O.** Economic Man in Africa // Food Research Institute Studies, 1960, v.I, no. 2, p.107–134.
- Knight F.H.** The Ethics of Competition. In: F.H.Knight. The Ethics of Competition and Other Essays. Freeport (NY): The Book for Libraries Press, 1935, p.41–75.
- Kristol I.** Two Cheers for Capitalism. New York: Basic Books Inc., 1978.
- Lindenberg S.** An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular // Sociological Theory, Spring 1985, p.99–113.
- Meckling W.H.** Values and the Choice of the Model of the Individual in the Social Sciences (REMM) // Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik, 1976, Bd.4, p.545–560.
- Nozick R.** Anarchy, State and Utopia. New York: Basic Books Inc., 1974.
- Okun A.M.** Equality and Efficiency: The Big Trade-off. Washington: Brookings Institution, 1975.
- Parsons T.** The Social System. Glencoe: Free Press, 1951.
- Popper K.** The Poverty of Historicism. London: Routledge and Kegan Paul, 1957.
- Schotter A.** The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Schumpeter J.A.** Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper, 1942.
- Umbeck J.** Might Makes Rights: A Theory of the Formation and Initial Distribution of Property Rights // Economic Inquiry, January 1981, p.38–59.
- White L.** Medieval Technology and Social Change. Oxford: Clarendon Press, 1962.